

Театру
им. Маяковского 50 лет

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

Московскому академическому театру имени Маяковского — 50 лет. С этим театром связаны имена выдающихся мастеров советской сцены — Всеволода Мейерхольда, Николая Охлопкова, Марии Бабановой, Юдифи Глизер, Дмитрия Орлова, Ильи Шлепянова, Алексея Попова...

Для этого театра писали Николай Погодин, Александр Корнейчук, Владимир Билль-Белоцерковский, Всеволод Вишневский, Леонид Леонов, Алексей Арбузов...

Впервые на сцене этого театра был создан образ Владимира Ильича Ленина. 5 ноября 1937 года в театре имени Вл. Маяковского (тогда он назывался театр Революции) состоялась премьера пьесы А. Корнейчука «Правда». О ней вспоминает в своей новой книге «Главная роль», которая скоро выйдет в издательстве ВТО, первый исполнитель роли В. И. Ленина народный артист СССР Максим Максимович ШТРАУХ.

Началось это все для меня неожиданно. Даже странно.

Главный режиссер театра Революции Николай Васильевич Петров остановил меня за кулисами и повелительно сказал:

— А ну-ка, снимите очки.

— Зачем?

— Снимите, снимите, не бойтесь. Я выполнил просьбу. Петров пристально глядел на меня. Слово видел впервые. Обошел справа, слева. И вдруг, как бы отвечая на собственные мысли:

— А, пожалуй, можно...

И ушел. Все...

Не правда ли, разговор несколько странный?

Но я не очень удивился — мало ли чего слышишь иной раз в театре? И особого значения этой мимолетной встрече не придал. На самом же деле этот «странный разговор» с Петровым оказался для меня началом едва ли не самого значительного периода всей моей творческой жизни.

Однажды, задолго до этого разговора, разнеслась по театру интересная весть: пьеса А. Корнейчука «Правда» досталась нам — театру Революции. Ее прочитали на труппе.

Сразу возник кардинальный вопрос: кому же играть Ленина?

Тут-то Николай Васильевич мне и признался: «Помните, я вас просил снять очки? Я разглядывал ваши глаза. Так что готовьтесь: вам играть Ленина!»

Я так и опешил. Настолько это предложение казалось фантастичным, невероятным.

Иной раз читаешь, как актеры сами мечтают о роли Ленина, как исподволь готовятся к ней. Признаюсь, у меня таких моментов не было. Я никогда об этом не помышлял. Даже тогда, когда в 1927 году работал у Эйзенштейна в режиссерской группе по фильму «Октябрь» и на мне лежала обязанность разыскивать человека, похожего на Ленина, и готовить его к этой роли. Короче говоря, никаких оснований для такой мечты у меня не было.

Театральное и киноискусство — дело артельное, по природе своей коллективное. Мы часто забываем об

этом. И склонны порой приписывать себе то, что достигнуто общими усилиями.

Вот почему мне ни на минуту не хочется переоценивать то, что мне удалось сделать, и предавать забвению своих товарищей, коим многим обязан.

Ночь. Театр опустел, затих. Он как бы отдыхает, остывает от страстей, сценических и закулисных.

В партере сидят трое. Режиссер, директор и актриса. В последних рядах полутемного зала сидят еще двое. Это пожарные. Один сменил на дежурстве другого. Но тот, кого сменили, не уходит: «Буду ждать хоть до утра!» Он узнал, что состоится просмотр «ленинского грима». Этого пожарного я мог бы, пожалуй, назвать своим первым зрителем.

О нашем просмотре — в ночь с 14 на 15 октября — в театре мало кто знал. Мы его законспирировали. Я гримировался, запершись в своей уборной, пока шел вечерний спектакль.

Но вот, наконец, в партер спустился гример Илюша Кугитин. Тихо доложил: «Готово!»

Наступила томительная пауза.

Не могу уже точно вспомнить, что я делал на сцене. Импровизировал без слов. Получилась пантомима на заданную тему. Вошел быстро и энергично, в ленинских ритмах. Ходил по комнате. Присел к столу, взял карандаш, что-то записал... Потом вдруг быстро ушел, так же неожиданно, как и появился...

Так состоялся первый просмотр грима, костюма, всей внешней пластической стороны образа.

И вот наступил самый страшный день — день приема (или не приема) спектакля.

Волнение достигло предела.

За время работы над ролью я имел обыкновение почитать книги, близкие ей по духу. Сейчас это был фурмановский «Чапаев». Для поддержания бодрости я даже выписал такие слова Чапаева: «Верить надо, ребята, что дело хорошо пойдет, а это главней всего... А не веришь когда, что победишь, так и не ходи лучше...»

На сдаче играл я хуже, чем на репетициях. Перенервничал, зависел голос, интонации утратили убежден-

ность. Остался собой недоволен. Настроение скверное...

Но странная штука — театр! Вдруг заходит актриса, отнюдь ко мне не расположенная, смотрит увлажненными глазами и тихо говорит: «Спасибо...» Заходят другие, слов говорят мало. Стоят, смотрят... Улыбаются, утвердительно кивают головой, пожимают руки...

Когда происходит рождение спектакля?

В день первой читки? Или первой планировки? Или на генеральной репетиции?

Нет, жизнь спектаклю дает зритель.

Первая встреча со зрителем и есть день его рождения!

Занавес еще не раздвинут. Зрительный зал наполняется публикой. Людской гул воспринимается как шум морского прибоя.

Что-то будет? Полнейшая тайна.

Режиссер храбрится. Произносит ободряющие слова. А у самого душа ушла в пятки. Он уже беспомощен, как муж... у родильного дома.

И вот — премьера.

Корнейчук ввел Ленина в дей-

ствие пьесы, когда наступал кульминационный момент. Когда стрелка часов приближалась уже к десяти вечера. Когда у зрителя были исчерпаны все запасы терпения. Выхода Ленина ожидал до предела наэлектризованный зал.

И вот, когда Ленин, наконец, появлялся, зал буквально взрывался овацией. Это была разрядка очень большой силы.

Публика вставала в едином порыве — навстречу Ленину. Происходило чудо. Было ощущение, что совершается нечто невероятное, легендарно мифическое.

Взрыв — а потом мертвая тишина. Все сидели, подавшись вперед, боясь шевельнуться, стараясь ничего не упустить, ни одной мельчайшей подробности...

Я же при этом испытывал ответное потрясение. Как все это описать? Не хватит умения. Вероятно, читатель сам поймет, что тогда творилось в зале и в наших душах!

Спектакль «Правда» шел очень часто. Публика валила валом. Можно было играть хоть каждый день — сплошные аншлаги! Театр стал получать поздравительные телеграммы.

Первые спектакли «Правды» совпали с октябрьскими праздниками, и когда я пешком возвращался домой по разукрашенной, иллюминированной Москве, когда из уличных репродукторов гремела музыка, когда я видел огромные массы радостных людей, переполнявших улицы и площади, мне казалось, что действие нашего спектакля не прерывалось, оно продолжается, оно только вышло за пределы театра и захватило, затопило своим настроением всю Москву, всю страну нашу...

Максим ШТРАУХ,
народный артист СССР.

□ □

На снимках: сцены из спектаклей Театра имени Вл. Маяковского разных лет. Слева направо: Н. Погодин «Сонет Петрарки» (Суходолов — Е. Самойлов, Майя — В. Орлова); А. Сальнский «Мария» (Одинцова — С. Мизери); последняя премьера театра — Ю. Яновский «Дума о Британне» (Лавро Мамай — Ю. Горобец, Устин — А. Преснецов, Гапка — С. Зайнова).

218